

СЪВЕРНАЯ ПЧЕЛА.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Годовая цена
Въ С. Петербургѣ.....12 руб. сер.
Съ пересылкою.....15 — —

Выходятъ
ежедневно, кромѣ дней праздни-
чныхъ и воскресныхъ.

№ 250.

Суббота, 7-го Ноября.

1842.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Санктпетербургъ, 6-го Ноября.

Высочайшею Грамотою, 23-го Октября, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Станислава 1-й степени, Начальникъ Закавказскаго Таможеннаго Округа, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Князь Баратаевъ.

— Высочайшимъ Приказомъ, 4-го Ноября, состоящимъ по Арміи Генераль-Маіоръ Бойко назначенъ Командиромъ 2-й Бригады 13-й Пѣхотной Дивизіи. (Р. И.)

По открытой въ Совѣтъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества подпискѣ въ пользу пострадавшихъ отъ пожара жителей Казани, поступили въ ноябрь, съ 25-го Октября по 1-е число, слѣдующія пожертвованія: отъ Н. В. асс. 25 р.; отъ двухъ неизвѣстныхъ асс. 10 и 5 р.; отъ неизвѣстнаго 1 р. сер.; отъ чиновниковъ Департамента Корабельныхъ Лесовъ Морскаго Министерства. 24 р. 65 к. сер.; отъ Н. Д. асс. 25 р.; получено изъ Бахмута, отъ Г. Генераль-Лейтенанта Мусина-Пушкина, асс. 100 руб.; отъ духовенства г. Петрозаводска 37 р. 14 к. и отъ неизвѣстнаго асс. 5 р., всего 111 р. 36 1/2 к. сер. Сверхъ сего поступило на пособія потерпѣвшимъ отъ пожара жителямъ: г. Перми, отъ чиновниковъ Департамента Корабельныхъ Лесовъ 24 р. 65 к. сер.; г. Троицка: отъ служащихъ въ Вѣдомствѣ Придворной Капюшен-

ной Конторы 8 червонцевъ; отъ Н. В. ассиг. 10 р. и отъ неизвѣстнаго 2 р. сер.; за назначенную къ продажѣ въ пользу жителей сего же города книгу о подражаніи Иисусу Христу, получено 19 р. 16 1/2 коп. Суммы сии, 5-го числа текущаго мѣсяца, препровождены по принадлежности. Пересылка оныхъ принята на счетъ Совѣта. Всего же отправлено Совѣтомъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества по настоящее время: въ Казань 21,752 р. 2 1/2 коп. сер. и золот. 12 черв.; въ Троицкъ 180 р. 50 1/2 к. и золот. 8 черв.; въ Пермь 182 р. 7 1/2 к. сер.

Подписка продолжается ежедневно отъ десяти часовъ утра до четырехъ по полудни, и открыта въ Канцеляріи Совѣта, помещающейся въ домъ онаго, на Литейной Улицѣ, противъ Артиллерійскихъ Казармъ. Въ сей же Канцеляріи продается и вышеупомянутая книга, по три рубля асс. за экземпляръ.

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Франція. Парижъ, 5-го Ноября. Въ Мониторѣ напечатанъ сегодня результатъ произведенной въ теченіе прошлаго года народною переписи по департаментамъ, округамъ, кантонамъ и приходамъ. Въ цѣломъ Королевствѣ считается 34,494,875 жителей, которые приходятся на 363 округа, 2,846 кантоновъ и 37,040 приходо-
въ. Счисленія, производимыя съ 1700 года въ

различныя, сначала произвольныя, а потомъ правильныя промежутке времени, представляютъ слѣдующее увеличеніе:

Въ 1700 году народонаселеніе	простиралось до	19,669,320 душъ.
1762	"	21,769,163
1784	"	24,800,000
1801	"	27,349,003
1806	"	29,107,425
1821	"	30,461,875
1826	"	31,858,937
1831	"	32,569,223
1836	"	33,540,910
1841	"	34,494,875

— Въ засѣданіи Академіи Наукъ, 31-го Октября, читали донесеніе о новой кометѣ, открытой Г. Лагранже, въ ночи съ 28-го Октября, въ созвѣздіи Дракона, съ Королевской Обсерваторіи въ Парижѣ. Последнее исчисленіе ея положенія производили 30-го числа. Въ двѣ ночи, или въ продолженіе сутокъ, въ которыхъ наблюдали комету, положеніе ея очень измѣнилось. Темныя ночи, наступившія потомъ, не дозволили опредѣлить съ точностію ея пути. Комета телескопическая, то есть, ея нельзя видѣть простымъ глазомъ. Въ нѣсколько дней, въ которые наблюдали комету, блескъ ея очень увеличился: уже начинаетъ показываться свѣтящій хвостъ, изъ чего должно заключить, что она приближается къ своему перигелию. Морье открылъ эту комету двумя или тремя часами послѣ Лагранже, и притомъ совершенно независимо отъ него, съ той

СМѢСЬ.

Журнальная всякая всячина.

Въ музыкальномъ мірѣ, въ литературномъ кругу, между любителями изящнаго и благороднаго наслажденія весьма много толкуютъ теперь о новой оперѣ Михайла Ивановича Глинки: *Русланъ и Людмила*. Даже въ высшемъ кругу общества поговариваютъ иногда объ этомъ. Опера уже ставится на сцену, и первое ея представленіе (въ весьма скоромъ времени) будетъ необыкновеннымъ происшествіемъ въ нашей столицѣ. Здѣсь позвольте намъ сдѣлать маленькое отступленіе, и сказать нѣсколько словъ о нынѣшнемъ состояніи нашей музыки. Для многого у насъ нѣтъ мѣста.

У насъ нѣтъ ни музыкальной консерваторіи, какъ въ Парижѣ и Брюсселѣ, ни музыкальных академій и высшихъ школъ музыкальных, какъ въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ, Римѣ, и т. п. У насъ учатъ музыку только въ Театральномъ Училищѣ, учатъ болѣе части исполнительно, нежели контрапункта, т. е. правильному писанію нотъ, или, если емьтъ такъ выразиться, *грамматикѣ музыки*. Но важнѣе всего то, что у насъ еще не устроилось *средняго сословія*, которое въ старой Европѣ столь же образовано, какъ и высшее сословіе, и пополняетъ, изъ среды своей, ряды артистовъ, художниковъ и литераторовъ. У насъ вся образованность сосредоточена въ высшемъ сословіи, т. е. въ дворянствѣ, или пріобрѣтается единственно для достиженія службою дворянскаго достоинства. Рѣдкій человекъ согласится у насъ пожертвовать всѣми выгодами службы и честолюбіемъ для литературы и

искусства, и потому, на поприсѣ литературы и искусствъ у насъ, болѣею частью, только любители, занимающіеся литературою и искусствами, какъ *дѣломъ постороннимъ*, какъ *игрушкою*, для препровожденія времени. Вотъ, напримеръ, съ художествами — другое дѣло! Учреждена Академія, для образованія изъ средняго сословія архитекторовъ, живописцевъ и скульпторовъ, и изъ числа нѣсколькихъ тысячъ учениковъ, прошедшихъ незамѣтно чрезъ храмъ Аполлона, образовалось нѣсколько гениальныхъ, или, по крайней мѣрѣ, талантливыхъ художниковъ. Гдѣ учиться, гдѣ образоваться бѣдному человеку съ музыкальнымъ чувствомъ, съ страстію къ музыкѣ, съ способностію къ композиціи? Изъ множества посредственностей вырождаются гении, какъ ананасы, на удобреніи. Эти посредственности нужны въ искусствѣ, какъ ступени въ лѣстницѣ..... а у насъ, по недостатку музыкантовъ, и посредственность *дорога!*..... Надобно высшей душевной силы, пламенной страсти, именно *призванія*, чтобы при подобномъ положеніи искусства посвятить себя ему съ самоотверженіемъ, съ рыцарскою любовью..... и М. И. Глинка посвятилъ себя совершенно музыкѣ, пожертвовалъ ей всѣмъ, отдалъ ей себя въ полную власть. Онъ изучалъ музыку въ ея отечествѣ, Италіи, изучалъ потому всѣ школы, всѣ роды, и долго работалъ и трудился, пока наконецъ сдѣлался оригинальнымъ композиторомъ. М. И. Глинка человекъ съ необыкновеннымъ, съ высшимъ талантомъ, скажемъ даже, человекъ гениальный, и потому долженъ имѣть пламенныхъ друзей и жестокихъ противниковъ. Мы не принадлежимъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, какъ то могли замѣтить старинные читатели *Съверной Пчелы*. Если друзья М.

И. Глинки превозносятъ его безусловно, восторгаются, они столько же вредятъ ему, какъ Отечественныя Записки вредятъ Г. Гоголю, сравнивалъ его Польдекоковскую повѣсть: *Мертвая Душа* (въ шутку названную *поэмою*) съ *Иліадою* и *Одиссеею*, и самого Г. Гоголя съ Гомеромъ! *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas!* О искусствахъ, художествахъ и литературѣ — вообще объ изящномъ, надобно говорить хладнокровно. Пусть публика трепещетъ отъ восторга — рецензентъ долженъ быть спокоенъ. И такъ взаги, никогда не могутъ повредить М. И. Глинкѣ, но друзья вредятъ ему сильно, аставляя публику быть къ нему слишкомъ взыскательною. *Жизнь за Царя* прекрасная опера, въ этомъ нѣтъ спора, твореніе, доказавшее, что душа композитора богата мелодіей, и умъ изобилуетъ музыкальными познаніями. Какъ опера *національная*, *Жизнь за Царя* нравилась бы въ Англіи, во Франціи, Германіи и въ Италіи. Множество оперетокъ, на сто градусовъ ниже оперы *Жизнь за Царя*, прославлены въ Европѣ, потому только, что играли въ Парижѣ, и что въ нихъ пѣли знаменитые артисты. Нѣтъ, однако жъ, сомнѣнія, что М. И. Глинка въ состояніи создать твореніе гораздо выше оперы *Жизнь за Царя*, что у М. И. Глинки станетъ таланта на сочиненіе высокое..... но..... но..... вотъ тутъ опять это жестокое *но!*.....

Но Мейербергъ, Галеви и даже Оберъ — пишутъ на извѣстныхъ талантахъ, а для кого будетъ писать Глинка? Не думаемъ, чтобы наши артисты раздѣлялись, когда мы скажемъ, что въ нашей оперной труппѣ нѣтъ ни Милбранъ, ни Пасты, ни Персіани, ни Гриси, ни Альбертани, ни Тамбурини, ни Рубини, ни Дюпре, и пр. и пр. Сочинять иначе нельзя, какъ *по инстру-*

же обсерватории. Однако же, только Ланглие может иметь справедливое притязание на медаль Лаланда, как первый, открывший комету.

Англия. *London*, 4 го Ноября. Говорят, Французское Правительство известно теперь официально, что оно не намерено ратифицировать трактат 1841 г. о правъ осмотра судовъ.

— В *Globe* полагаютъ, что коммерческій трактатъ между Франціею и Англіею подвергнется той же участи, какъ и договоръ съ Бельгіею. Фабриканты во Франціи слишкомъ владѣютъ Правительствомъ, и имѣютъ несравненно болѣе вліянія нежели въ Англіи, гдѣ земледѣіе и колоніальныя выгоды соперничаютъ съ ними.

— Изъ донесенія инженера Лока видно, что издержки предполагаемаго построенія большой желѣзной дороги между Англіею и Шотландіею составятъ 3,569,405 ф. ст. Дорога будетъ раздѣлена на три участка: изъ Ланкастера въ Карлейль, изъ Карлейля въ Глазговъ, и изъ Глазгова въ Эдинбургъ.

— Въ Англійскихъ газетахъ пишутъ о банкротствахъ многихъ значительныхъ домовъ. Въ Бирмингамѣ объявленъ несостоятельнымъ домъ Годларда и Гилля, на сумму въ 60,000 ф. ст.; въ Лондонѣ обанкрутился домъ Торнбуль и Раденгорста, производившій дѣла съ Канадою; носилась слухи о банкротствѣ одного значительнаго Плимутскаго дома. Паденіе Манчестерскаго Банка повергло въ совершенную ницету множество семействъ, удалившихся отъ дѣла, и внесшихъ капиталы свои въ этотъ банкъ. Потеря акціонеровъ простирается до 800,000 фунтовъ стерлинговъ.

Турція. *Валахія*. Въ *Австрійскомъ Наблюдателѣ* напечатано, подъ отдѣломъ *Бухареста*, отъ 26 го Октября: «Съ прибывшею вчера изъ Константинополя эстафетою Россійскій Генеральный Консулъ получилъ извѣстіе объ отрѣшеніи вышшняго Господаря, Князя Гики, отъ сей должности. Въ слѣдствіе того, Князь передалъ, сегодня, правленіе временному Правительству (Каймакамъ), опредѣленному уложеніемъ. По собраніи депутатовъ къ необыкновенному засѣданію, приступать къ избранію новаго Госпо-

дара, сообразно съ существующими узаконеніями на счетъ образа и срока сего выбора. Комиссаръ Порты, привезшій сей хатишерифъ, уже находится въ Волошскомъ карантинѣ, и его сюда ожидаютъ въ скоромъ времени. Спокойствіе и порядокъ не были нарушены ни на минуту. — Князь Гика сегодня ухалъ въ Трансильванію.»

новѣйшія извѣстія.

Получены извѣстія изъ Индіи и Китая. Бомбейскія газеты доходятъ до 1-го Октября. Генералъ Ноттъ вышелъ изъ Кандагара 10-го Августа, и направился на Гизни и Кабуль. Онъ полагалъ достигнуть Кабула 15-го Сентября. Генералъ Ингендъ пришелъ въ Кветту. — Извѣстія изъ Китая простираются до 26-го Июля. Англичане завоевали еще одинъ городъ, въ которомъ завладѣли 364 орудіями. Городъ этотъ называется Пингъ-Цу.

ШЛЯПА ИМПЕРАТОРА ФРАНЦА II.

(Окончаніе.)

III.

Между тѣмъ Императоръ долженъ былъ надѣть новую шляпу, подаренную камердинеромъ, и въ сопровожденіи одного Генерала Ледерера пошелъ въ Аугартенъ.

Осмотръ купальни, построенныхъ Вейсбергомъ, продолжался около часа. Въ теченіе этого времени, Францъ часто поправлялъ шляпу, жестоко его беспокоившую, то снималъ ее, то опять надѣвалъ. На лбу образовался уже широкій красный рубецъ. Императоръ начиналъ выходить изъ терзвня, и поспышилъ во дворецъ, гдѣ, къ величайшей радости, снялъ наконецъ съ себя мучительные тиски.

— Рѣшительно, сказалъ онъ, я во всю жизнь осужденъ носить одну и ту же шляпу. Да, любезный Вейсбергъ, я убѣдился въ этой истинѣ! Знаю, что Государь не долженъ требовать назадъ однажды даннаго, но необходимость принуждаетъ меня къ этому. Вы окажете мнѣ боль-

по силѣмъ и средствамъ артистовъ. Дѣло сдѣлано, дѣло національное, Русское, которое должно радовать каждаго образованнаго челоука, и располагать въ пользу нашего національнаго композитора! Намъ кажется, что некоторые наши журналисты поторопились, говоря рѣшительно о достоинствѣ оперы *Русланъ и Людмила*, слышавъ только отрывки или бывъ на пробѣ. Нѣтъ, эту оперу надобно слышать нѣсколько разъ, надобно сперва изучить ее, а потомъ уже высказывать свое мнѣніе. Возгласъ и громкія фразы ничего не означаютъ. Это менѣе даже, чѣмъ звуки при *настраиваніи скрипки*. И мы слышали, тогда за два предъ симъ, отрывки изъ этой оперы, и были въ восхищеніи; но надобно знать, каково это будетъ въ цѣломъ, какъ будетъ слыто съ общою идеею оперы. Тутъ настоящее искусство! Въ этой оперѣ собраны характеры музыки почти всѣхъ племенъ, населяющихъ Россію. Тутъ есть музыка Персидская, Кавказская, Татарская, даже Финская, и все это какъ шитое по одной общей канвѣ — характеръ музыки Русской. Инструментовка совершенно оригинальная, неслыханная и несмысленная доселѣ! Музыканты говорили намъ, что М. И. Глинка *перехитрилъ* въ оркестровкѣ, т. е., что онъ ввелъ необычайныя трудности. Вопросъ: побѣдилъ ли онъ эти трудности, и воля ваша, мы не вѣримъ на слово Гг. музыкантамъ, а особенно композиторамъ. Послушаемъ, изучимъ, посоветуемся съ людьми знающими, и тогда выскажемъ наше мнѣніе, но все же впередъ можемъ ручаться, что опера *Русланъ и Людмила* никакъ не можетъ быть посредственнымъ, потому что создана необыкновеннымъ талантомъ!

Вотъ передъ нами тринадцатый выпускъ *Нашихъ*,

шое одолженіе, если возвратите шляпу, которую я вамъ подарилъ, а на обмѣнъ возьмите этотъ перстень: онъ стоитъ сто сувереновъ, и съ избыткомъ вознаградитъ васъ, между тѣмъ какъ я не возьму пятидесяти такихъ перстней за свою старую шляпу.

Требованіе Императора жестоко смутило Вейсберга: лице его то блѣднѣло, то краснѣло, то багровѣло, наконецъ явилось вдругъ окрашенное всеми цвѣтами. Большіе глаза несчастнаго архитектора безмысленно блуждали; языкъ онемѣлъ; крупныя капли жгучаго пота катились по щекамъ.

— Что же, развѣ вы не слышали? продолжалъ Императоръ.

«Простите меня, Ваше Величество, отвѣчалъ наконецъ Вейсбергъ, дрожа какъ осиновый листъ: я очень хорошо слышалъ, но....»

— Шляпа уже не у васъ?....

«У меня, Государь,» проговорилъ блѣдный старикъ.

— Такъ что же значить ваше замѣшательство, ваши восклицанія, вздохи?

«Извольте видѣть, Ваше Величество....»

— Наконецъ, вы выводите меня изъ терзвня. Говорите, въ чемъ дѣло?

Вейсбергъ рѣшительно помѣшался; онъ едва стоялъ на ногахъ. Между тѣмъ Императоръ пристально смотрѣлъ на него, и тѣмъ самымъ приводилъ еще въ большее смущеніе.

«Шляпа у меня на квартирѣ, Ваше Величество,» отвѣчалъ архитекторъ дрожащимъ голосомъ.

— И отъ этого происходитъ вся ваша внутренняя тревога? воскликнулъ Императоръ со смѣхомъ. Я очень хорошо знаю, что шляпа у васъ на квартирѣ, потому что вы снесли ее туда.

«Такъ сходите же за нею, прошу васъ, или я пошлю кого нибудь....»

«О, нѣтъ, Ваше Величество,» сказалъ съ живостью Вейсбергъ, отступивъ шага на два, какъ будто стоялъ на раскаленномъ желѣзѣ: «я лучше самъ схожу сей же часъ.... сію же минуту....» повторилъ онъ, идя къ двери, на которую на-

вмѣщающей въ себя разсказъ псевдонима Гринка-Основьяпенка: *Знахарь*. Опять позвольте сдѣлать маленькое отступленіе. До сихъ поръ напечатаны статьи: *Водовозъ*, *Барышня*, *Армейскій Офицеръ*, *Гробовой Мастеръ* и *Наша*, и мы не похвалили усердно ни одной изъ этихъ статей, хотя охотно сознаемся, что въ *Гробовомъ Мастерѣ* есть очень хорошія мѣста. Разумѣется, что на фельетониста *Сверной Пчелы* за это крѣпко разгнѣвались, особенно когда онъ напечаталъ въ *Сверной Пчелѣ* свою статью *Водовозъ*.... Сдѣлали даже очень остроумную эпиграмму, которая хотя и несправедлива въ основаніи, но забавна. Разнеслось по городу: фельетонистъ *Сверной Пчелы* не хвалитъ *Нашихъ* изъ зависти, изъ корыстолюбія.... онъ самъ выдаетъ *Картинки Русскихъ Правовъ*, и потому бранитъ *Нашихъ*!... Все это очень ловко выдуманно, но жалъ, что неправда, и мы двойнѣ сожалѣемъ о тѣхъ, которые повѣрили этимъ разсказамъ. Доказано уже, математически, что фельетонистъ *Сверной Пчелы* не имѣетъ ни какого участія въ изданіи *Картинокъ Русскихъ Правовъ*, а только позволялъ художникамъ, господамъ Тимму, Барону Клоту и Барону Нетельгорсту, навпечатать свои старыя статьи.... Во всякомъ случаѣ, ни корысть, ни какое либо другое темное чувство не были причиною того, что фельетонистъ не могъ расхвалить *Нашихъ*: это было слѣдствіемъ внутренняго убѣжденія и любви къ истинѣ. Въ ни одинъ журналъ не расхваливалъ *Нашихъ*, кромѣ Литературной Газеты, и эта похвала, вѣрно, не утѣшила надѣтъ *Нашихъ*.... Мы даже спорили и о духѣ наднія, будучи убѣждены, что оно не должно быть въ родѣ са-

менту. Для четырехъ-октавнаго инструмента нельзя писать шести-октавныхъ пассажей. Если бы вы написали ораторію — на *одномъ голосѣ*, или оперу, въ родѣ *Жидовки*, для водевилныхъ актеровъ, вы были бы смѣшны. Наша оперная трупа, разумѣется, выше всякой водевилной, быть можетъ, даже приближается къ трупѣ Парижской *Opéra Comique* (хотя у насъ нигдѣ не было такого таланта, какъ, напримѣръ, Диморо-Чинти, и др.), но для оперы большаго размѣра, для оперы *seria*, и даже для Россійскихъ оперъ, у насъ нѣтъ средствъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Русская Опера, у насъ была только одна примадонна: Г-жа Сидурова. Мы имѣли и имѣемъ много очень пріятныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, которыхъ можно слушать съ большимъ удовольствіемъ, когда композиція по ихъ силѣмъ. *Аскольдова Могила* возвысила даже Г. Леонова!... Но ужъ извините, господа, тѣхъ прѣккихъ подставовъ, на которыхъ Россіи, Мейербергъ и Галеви основывали свои творенія — у насъ нѣтъ.... Это такая истина, за которую гнѣваться было бы и смѣшно и стыдно!

Сравниваемъ теперь: что долженъ былъ дѣлать М. И. Глинка? Разумѣется, сообразоваться съ *средствами*, или не писать вовсе Русской оперы, а онъ долженъ былъ непремѣнно написать Русскую оперу, потому что онъ Русскій, что онъ любитъ Россію болѣе всего, и рѣшился даже пожертвовать славою ея — своимъ талантомъ! М. И. Глинка выбралъ сюжетъ *національный*, Русскую сказку, разсказанную первыми Русскими поэтами, Пушкинскими. Декорации (не знаемъ, сколько) сочинилъ перлостепенный Русскій художникъ, К. П. Брюлловъ. Нѣтъ будутъ Русскіе артисты, и талантъ М. И. Глинки долженъ былъ снѣгаться и сжигаться!

ткнулся, и въ то же время опрокинулъ богатый фарфоровый сервизъ, поднесенный Государю мастерами Императорской Россауской Фабрики. Каждая вещь стоила, по крайней мѣрѣ, двѣсти гульденовъ.

Опрокинувъ сервизъ, Вейсбергъ обернулся и пробормоталъ какія-то невнятные слова; потомъ, одержимый демономъ страха, который, какъ известно, придаетъ крылья, бросился въ двери и исчезъ.

— Онъ, просто, помѣшался, сказалъ Императоръ, сожалея о своемъ фарфорѣ: помѣшался съ тѣхъ поръ, какъ я подарилъ ему шляпу.

По странному счастью, фарфоровый сервизъ не разбился. Толстый коверъ, посланный въ комнату, спасъ отъ гибели образцовое произведение вкуса, красоты, въ особенности терпѣннѣ. Такимъ образомъ, неловкость архитектора не имѣла неприятныхъ слѣдствій.

IV.

Шпильдорфъ сидѣлъ въ широкихъ кожаныхъ креслахъ, поддерживая голову руками и облокотясь на столъ. Сильный ударъ въ дверь прервалъ его любовныя размышленія. Вскорѣ послѣдовалъ второй, сильнѣйшій ударъ.

— Кто смѣетъ стучать такъ? закричалъ Леопольдъ, подходя къ двери; но когда дверь отворилась, медикъ вытаращилъ глаза, и невольно воскликнулъ отъ удивленія: въ невѣжливомъ посетителѣ онъ узналъ архитектора Вейсберга, отца Луизы.

— Почтенный Г. Шпильдорфъ! началъ Вейсбергъ: забудьте, прошу, мой сегодняшний отказъ: вы можете спасти мнѣ жизнь!...

Обрадованный Леопольдъ схватилъ старика за руку, и дружески пожалъ ее. Онъ полагалъ, что Луиза умилостивила наконецъ своего отца, и что Вейсбергъ, тронутый слезами дочери, пришелъ извиниться въ своемъ жестокомъ отказѣ.

«Забудьте вашъ отказъ! вскричалъ влюбленный Шпильдорфъ; ахъ! я уже все забылъ, почтеннѣйшій Г. Вейсбергъ, все забылъ, повѣрьте моему честному слову! Вашъ поступокъ дѣлаетъ меня счастливейшимъ человекомъ. Но вы, кажется, сказали, что я могу спасти вамъ жизнь?

тирическомъ, пересмѣшливомъ, колкомъ. По нашему мнѣнью, статьи въ *Нашихъ* должны быть вѣрные сколки съ натуры, безъ карикатуры, а только, въ некоторыхъ мѣстахъ, осыпаны свѣтомъ Диогеновскаго фонаря. Пронія, иносказаніе и игривость юмора должны замѣнять въ *Нашихъ* сатиру и пересмѣшничество. Въ *Нашихъ* мы должны изучать типы, знакомиться съ отечествомъ — и вотъ образецъ, какъ должно писать *Нашихъ* въ юмористическомъ родѣ, вотъ вамъ *Знахарь*, точно таковъ, каковъ онъ въ натурѣ. Статья эта написана весело, игриво и притомъ вѣрно. Настъ чрезвычайно поразовала эта статья, потому что мы, что бы ни говорили, ни писали и ни печатали хвалили *Нашихъ*, искренно желаемъ успѣха этому изданію, и даже надѣемся, что оно поднимется и пойдетъ хорошо. За *Знахаремъ* обещанъ *Уральскій Казакъ*, В. И. Дая, а эту статью мы уже знаемъ (она была у знакомаго намъ художника) и увѣрены, что она подляжетъ крѣпко *Нашимъ*! Дай Богъ, въ добрый часъ! Не первый и не послѣдній прихвѣръ, что дѣло началось не такъ, а тамъ пораздумали, поразгадали, послушались добрыхъ людей, да и пошло на стоящимъ путемъ! Что значатъ пять статей, тамъ, гдѣ ихъ будетъ, можетъ быть, *пятидесятъ*! Съ *тринадцатаго выпуска* начинается, кажется, перерожденіе *Нашихъ*, а мы просимъ и *нашихъ* и *ошихъ* вѣрить, что мы ничѣмъ никогда не руководствовались, какъ только одною истиною! Отношенія наши къ хвалили *Нашихъ* ни на волосъ не переѣхались, а вотъ мы хвалимъ... потому что хорошо!... Есть люди, которые критикуютъ рисунокъ Г. Шевченки (типъ *Знахаря*), а мы, напротивъ, видѣвъ Малороссію вблизи, мы чрезвычайно довольны и рисунками, и рѣзбою въ

Говорите: я готовъ! Чего же вы отъ меня требуете?»

— Возвратите, или продайте мнѣ вотъ эту шляпу, отвѣчалъ архитекторъ, бросаясь къ шляпѣ Императора.

«Продать? Вы обижаете меня! Возьмите; я отдаю ее тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что это подарокъ нашего Государя.»

— Честный, добрый молодой человекъ! Вы останавливаете меня на краю могилы! Вы спасаете меня: я умеръ бы отъ стыда и тоски.

«Помилуйте, вы вѣ себя отъ радости! Опомнитесь, почтенный Г. Вейсбергъ. Не угодно ли рюмочка киршвассеру?»

— Благодарю.

«Какимъ же образомъ я спасаю васъ отъ смерти, возвращая шляпу, которая, по правдѣ, не совсѣмъ нова?...»

— Представьте себя, любезный Леопольдъ, сегодня утромъ Его Величество пожаловалъ мнѣ эту драгоценную вещь передъ посещеніемъ Аугартенскихъ купалень. Принявъ такую милость за горькую насмѣшку, я, выходя изъ дворца, отдалъ шляпу первому попавшемуся мнѣ лакею.

Непростительный поступокъ! Онъ могъ бы быть причиною величайшихъ для меня бѣдствій. Возвратясь съ прогулки, Императоръ, недовольный новою шляпою, потребовалъ у меня старой, а въ вознагражденіе принудилъ взять этотъ перстень. Каково мое отчаяніе! Я не смѣлъ признаться въ своемъ неуваженіи къ подарку Его Величества, пробормоталъ какія-то непонятныя слова, опрокинулъ богатый сервизъ, и побѣжалъ спросить у лакея, куда онъ дѣвалъ шляпу. Лакей сказалъ мнѣ, что шляпа у кирасировъ, которые, вѣроятно, сидятъ теперь въ тавернѣ Бокколини. Кирасиры встрѣтились мнѣ у таверны, и объявили, что шляпа куплена вами. Въ причина моего визита! Вы видите, что спасаете мнѣ жизнь, и что я могу явиться къ Его Величеству... Однако, прощайте. Императоръ нетерпѣливо ждетъ меня. По счастью, дворецъ не далеко.

«Позвольте, сказалъ Леопольдъ, бросаясь къ двери; стало быть, вы присланы не Луизою?

этой тетради. Характеристика Малороссіи превосходно выражена Г. Шевченкомъ, и кто не бывалъ въ Малороссіи и не знаетъ ее, тотъ бы никогда не придалъ такой характеристики рисункамъ.

Позвольте теперь поговорить о дѣлѣ, важномъ для издателей *Сверной Пчелы* и не чуждомъ ея читателямъ. Г. Ивановъ, имѣющій свою книжную лавку въ конторѣ Отечественныхъ Записокъ, какъ онъ самъ печатаетъ, хвалитъ себя на провалу, въ своихъ объявленіяхъ, а между тѣмъ, тутъ же приглашаетъ почтеннѣйшую публику подписываться у него въ лавкѣ, находящейся въ конторѣ (!!!???) (*) на всѣ Русскіе журналы и повременныя изданія, и между прочими на *Сверную Пчелу* и *Эконома*. До сихъ поръ такъ велось въ цѣломъ мѣрѣ, что литературный трудъ, какъ всякій трудъ, почитался неотъемлемою собственностью трудищагося, который сбываетъ его съ рукъ, какъ и гдѣ ему угодно. *Сверная Пчела* уже извѣстала, что она потеряла чрезвычайно много на книгопродавцахъ, которые, собравъ подписку, деньги удержали, а редакціи сообщали только списки, кому послать газету. Чѣмъ не сдѣлать несправедности тѣмъ, которые удостоиваютъ *Сверную Пчелу* своимъ вниманіемъ, редакція продолжала высылать *Сверную Пчелу* подписчикамъ, даромъ, лишившись около 60,000 рублей. Для прекращенія подобныхъ несправедностей, *Сверная Пчела* просила и проситъ, за себя и за *Эконома* (который, какъ ни экономилъ, а также лишился до 10,000 рублей), подписываться только въ Газетной Экспедиціи и въ конторѣ, находящейся въ книжномъ магазинѣ А.

«Позвольте, сказалъ Леопольдъ, бросаясь къ двери; стало быть, вы присланы не Луизою?

А. Ольхиной, въ домѣ Звѣтнаго, на Невскомъ Проспектѣ, и присемъ объявляетъ рѣшительно, что если теперь подписчикъ, выписавшій *Сверную Пчелу* или *Эконома* не изъ показанныхъ мѣстъ, не будетъ получать ихъ, то редакція *Сверной Пчелы* и *Эконома* за это не отвѣчаютъ. Господина же Иванова, имѣющаго книжную лавку въ конторѣ Отечественныхъ Записокъ, редакція не имѣетъ чести знать, и никогда не поручала ему продажи своихъ изданій. Уже въ прошломъ году то же самое было печатано, но Г. Ивановъ не внемлетъ. Общее правило, что можно о томъ только публиковать, что куплено, или, что по взаимному условію съ авторомъ, взято на комиссію; редакція же *Сверной Пчелы* никогда Г. Иванову ничего не продавала и ничего не отдавала на комиссію, а только проситъ Г. Иванова оставить ее въ покоѣ, и не выставлять ея изданій въ своемъ великолѣпномъ объявленіи.... Dixi!

Пріѣхала сюда, недавно, молодая пѣвица, Г-жа Элиза Мерти, родомъ изъ Бельгіи. Въ Брюсселѣ есть музыкальная консерваторія, которая уже послала по свѣту многихъ гениальныхъ артистовъ разглашать о славіи этого заведенія. Серве, Блазъ, Вьеганъ, Прюмъ, ученики или воспитанники этой школы.... Бельгія стала музыкальною страной! Дѣвица Элиза Мерти имѣетъ прекрасный голосъ меццо-сопрано, впадоющій въ контра-альто. Публика наша любитъ пѣвицъ, да и какъ не любить женскаго пѣнія, и если хотя на половину правда все то, что говорятъ о пѣніи и голосѣ Г-жи Мерти Пгалинскіе и Англійскіе журналы, то она должна править въ восторгъ нашу публику! Послушаемъ, и скажемъ вамъ, что это за пѣвица.

Стало быть, вы не принесли мнѣ сладкой надежды получить руку той, которую я люблю? — Я этого никогда не говорилъ.

«А я думалъ, что вы пришли именно съ такою цѣлью. Пожалуйте же мнѣ шляпу, господинъ Вейсбергъ; я ее купилъ; она принадлежитъ мнѣ до тѣхъ поръ, пока вы не признаете меня своимъ зятемъ.»

— Помилуйте, любезный Леопольдъ! отвѣчалъ архитекторъ умоляющимъ голосомъ, могли ли я промѣнять дочь на шляпу? Въдѣль кромѣ этой шляпы у васъ нѣтъ ничего?...

«Нѣтъ Луизы, нѣтъ и шляпы, отвѣчалъ Шпильдорфъ, вырвавъ шляпу изъ рукъ Вейсберга: выбирайте любое.»

— Боже мой, Боже мой! Вы хотите моей смерти?

«Нѣтъ, я хочу получить руку вашей дочери.»

— Невозможно, невозможно! Вы человекъ благородный, честный, храбрый, ученый врачъ, все это мнѣ известно, но у васъ нѣтъ ничего, а Луиза получитъ въ день свадьбы сто тысячъ гульденовъ. Ну, какъ же послѣ этого быть вамъ мужемъ моей дочери!

«Въ такомъ случаѣ объявляю, что шляпу Императора получить только мой тестъ. Извольте же отправляться во дворецъ, и если хотите, перескажите мои слова Его Величеству. Больше ни какого отвѣта отъ меня не услышите.»

Послѣ напрасныхъ обещаній и просьбъ, не поколебавъ твердости Шпильдорфа, отчаянный архитекторъ ушелъ, угрожая Леопольду гнѣвомъ Императора.

V.

Отъ квартиры Шпильдорфа до Бургплаца, гдѣ находится дворецъ Австрійскихъ Императоровъ, разстояніе, въ самомъ дѣлѣ, было небольшое; но несчастный архитекторъ употребилъ на этотъ переходъ добрыхъ полчаса. Онъ не смѣлъ предстать предъ Императоромъ и признаться въ своемъ неуваженіи къ монаршему подарку. Бросить лакею, какъ вещь ничтожную, шляпу, подаренную Государемъ! Нѣтъ, лучше броситься въ Дунай, чѣмъ признаться въ этомъ преступленіи.... Однако жъ, Вейсбергъ не по-

(*) До сихъ поръ конторы были въ лавкахъ, а нынѣ лавки перевѣдены въ конторы. Это называется: та же самая штука, на андере-манирѣ!